

Эпоха Камелота

18+

Александр Урсу
Эпоха Камелота

«Автор»

2026

Урсу А.

Эпоха Камелота / А. Урсу — «Автор», 2026

Осень 1962 года. Мир замер на грани ядерной войны. Президент Джон Кеннеди, окруженный генералами, требующими немедленного удара по Кубе, принимает решение, которое спасет человечество. Но откуда у него взялась уверенность? Почему он, в отличие от своего военного окружения, знает, что "живые будут завидовать мертвым"?

© Урсу А., 2026

© Автор, 2026

Александр Урсу

Эпоха Камелота

Эпоха Камелота

Виктор

2026

Предисловие автора

Этот рассказ я написал под псевдонимом Виктор.

Те из вас, кто интересуется загадками ушедшего века, возможно, помнят это имя. Действительно ли этот рассказ был написан под его чутким руководством, или же «Виктор» — всего лишь литературный приём, за которым прячется автор, — решать вам.

Но я знаю точно: Виктор искренне хотел, чтобы вы прочли этот текст. И, прочтя, передали его тем, кому он нужен.

Это бесплатный проект. Он создан в память о таких великих людях, как Джон Фицджеральд Кеннеди, и о том самом коротком сияющем мгновении, которое они подарили человечеству.

Виктор

Эпиграф

Возьми меня.

Брось меня.

Сакральная надпись на клинке Эскалибура.

Глава 1. Океан

Атлантика дышала ровно и лениво. Солнце стояло высоко, заливая побережье Ньюпорта щедрым полуденным золотом. Его лучи дробились в прохладной бирюзовой воде миллиардами ослепительных искр, а в воздухе ощущался приятный солоноватый вкус океана.

Белоснежная двадцативосьмиметровая яхта «HoneyFitz» плавно покачивалась на волнах, словно спящий лебедь. Здесь, вдали от раскаленного асфальта Вашингтона и его душных, прокуренных кабинетов, посреди бескрайнего синего простора, само время, казалось, замедлило свой бег.

Джон сидел на корме в плетеном кресле. Его глаза скрывали фирменные солнцезащитные очки Ray-Ban Wayfarer, а на губах блуждала легкая, слегка уставшая улыбка. В руке он держал запотевшую бутылку прохладного пива Heineken — тонкая струйка конденсата стекала по стеклу на его ладонь. Рядом с ним, в таком же кресле, с такой же бамбуковой удочкой в руках, расположился генерал Уильям Бланшар. Одет он был по-гражданскому, в легкую светлую рубашку без знаков различия, и со стороны они выглядели просто двумя старыми друзьями, решившими провести день за рыбалкой.

— Потрясающая гонка, — нарушил тишину Джон, сделав глоток из бутылки. — Австралийцы на своей «Гретель» в этот раз заставили наших парней попотеть. В какой-то момент на втором круге мне показалось, что Кубок Америки впервые за сотню лет уплывет из Ньюпорта.

Бланшар усмехнулся, поправляя леску.

— О да, господин президент. Давненько я не видел такой яростной борьбы на воде. Австралийский шкипер творил чудеса тактики, но наша «Weatherly» все-таки вырвала победу. Когда они обошли их на финальном галсе — это было чистое зрелище. Весь флот сопровождения ревел от восторга.

— Ради таких моментов стоит жить, — Кеннеди улыбнулся, глядя на воду. — Настоящий дух соревнований, азарт и чистый ветер.

— Да.

Джон поудобнее перехватил бамбуковое удище, не снимая очков и всматриваясь в горизонт, где небо сливалось с водой в дрожащем мареве.

— Знаешь, Билл, — тихо заговорил он. — Больше всего на свете я люблю пребывание в этой стихии. Здесь, на воде, есть какая-то первобытная правда. Эта связь с природой... подальше от шума, от бесконечной политической суеты, от газетчиков и Пентагона. Она подпитывает меня, как корни подпитывают дерево. Я кожей чувствую, как воды океана, подобно сокам земли возвращают мне силы. Для меня это самое настоящее место силы.

Бланшар слегка повернул голову и понимающе кивнул.

— Я очень хорошо вас понимаю, — отозвался он; его голос звучал мягко, непривычно для военного.

— Я и сам большой любитель рыбалки. Каждую свободную неделю я стараюсь уезжать в родную Оклахому, на озеро Хефнер. Там, на рассвете, когда над водой поднимается туман и поют птицы, мир кажется абсолютно чистым. И все проблемы там выглядят... ничтожными. Вода действительно питает наши корни и возвращает к жизни.

С носовой части палубы донеслись звонкие, переливчатые крики детей — маленькая Кэролайн и Джон-младший о чем-то весело смеялись, слушая Жаклин. Их смех, чистый и серебристый, разносился над водой, но не нарушал покоя, а удивительным образом вплетался в него. Казалось, сама природа поет вместе с ними: ветер вторил их радости, волны задавали ритм, а солнечные блики танцевали в такт этому беззаботному веселью. Это был голос будущего, ради которого стоило жить.

Джон на мгновение прислушался к этому смеху, и улыбка сошла с его лица. Он задумчиво покрутил в пальцах бутылку пива.

— Знаешь, Билл... Я смотрел на этих яхсменов на регате. На то, как безупречно слаженно они работают. Каждый маневр, каждый поворот паруса выверен до миллиметра. Идеальный механизм, где ошибка одного человека означает мгновенное поражение. И я невольно подумал о твоём ведомстве.

Кеннеди повернул голову к генералу, его тон стал деловым.

— Как продвигается твоя инспекция Стратегического авиакমানдования и баз ВВС? По бумагам у Объединенного комитета начальников штабов всегда всё идеально. Но ты — генеральный инспектор, ты видишь изнанку. Если завтра нам придется запустить наш собственный «идеальный механизм» на полную мощность... вооруженные силы действительно готовы на сто процентов? Нет ли сбоев в координации?

Бланшар на секунду замаялся, подбирая слова. Напряжение, скрытое под гражданской одеждой, выдало в нем кадрового офицера.

— Господин президент, как генеральный инспектор я могу гарантировать: пилоты SAC не спят. Бомбардировщики В-52 находятся в режиме круглосуточного дежурства на взлетно-посадочных полосах, а протоколы связи с пусковыми шахтами проверены лично мной. Механизм смазан и готов к работе. Но... если вы спрашиваете о внутреннем состоянии системы, то напряжение среди высшего командования нарастает.

Джон снял очки и посмотрел на Бланшара прямым, непривычно тяжелым взглядом. Контекст рабочей инспекции мгновенно растворился, обнажив главный, мучивший его вопрос.

— Билл, я хочу спросить тебя не как президент у подчиненного. Я спрашиваю тебя как брата по оружию. Мы оба прошли через войну. Мы знаем, как пахнет смерть. Лемей уверяет меня, что один точечный удар решит всё. Что они даже не пикнут. Что ты думаешь?

Лицо Уильяма Бланшара мгновенно переменялось. Спокойствие рыбака исчезло, уступив место суровой, свинцовой серьезности. Он закрепил удочку в держателе и повернулся к Кеннеди всем корпусом. Именно в этот момент на палубе бесшумной тенью появился стюард с серебряным подносом. Кеннеди, не сводя глаз с генерала, едва заметно поднял руку в останавливающем жесте.

— Спасибо, Льюис. Оставь нас и, пожалуйста, попроси ребят пока не беспокоить.

— Слушаюсь, господин президент, — стюард поклонился, бесшумно поставил поднос на столик и мгновенно исчез в недрах яхты.

Бланшар дождался, пока шаги стихнут, и заговорил — впервые без официоза, тихо и твердо:

— Господин президент, я скажу вам то, чего Лемей никогда не произнесет на заседаниях Объединенного комитета. Я лично видел, что такое ядерный удар. Я не просто читал отчеты, я подписывал боевой приказ для Хиросимы. Я отправлял парней на «Эноле Гей» и я видел фотографии того, что осталось от города. Это не просто оружие большой мощности. Это стихийное бедствие, которое стирает саму жизнь. Если мы нанесем этот удар, мы безвозвратно потеряем всю эту красоту мира. Вот этот океан, это солнце, эту жизнь, которая нас питает. Нас просто не станет. Да, я знаю Хиросиму. Но то, к чему нас подталкивают сейчас — это будет Хиросима для всего человечества.

Бланшар чуть подался вперед, его голос упал до сурового шепота:

— Моему начальнику, Лемею, легко говорить. Если всё пойдет прахом, он всегда скажет: «Я военный, я исполнял приказ». Весь груз этой ответственности ляжет на ваши плечи.

Кеннеди долго молчал, глядя на свои руки. За бортом тихо плескалась вода, и снова, словно издали, донесся переливчатый детский смех.

— Я понимаю, Билл, — тихо произнес Джон. — Люди думают, что генералы только и мечтают повоевать. Но правда в том, что военные меньше всего хотят войны. Никто лучше нас не знает всех её подлинных ужасов.

Наступила тишина, оба мужчины смотрели куда-то вдаль.

— Вся эта ситуация с Хрущевым, — Бланшар нарушил затянувшуюся паузу, задумчиво глядя на сияющую гладь океана, — она похожа на покер. Кажется, что все просто блефуют, повышают ставки и ждут, кто первый моргнет. Ни одна из сторон до конца не верит, что может случиться непоправимое.

— Да, — горько усмехнулся Кеннеди, снова надевая очки и глядя в бесконечную синеву. — Никто не верит, что весь этот мир может исчезнуть в один момент. Знаешь, это как со смертью. Никто из людей не верит, что может в один прекрасный день умереть.

— Верно, — тихо согласился Бланшар. — Никто не верит, что может умереть. Но при этом пока еще никто не смог обмануть смерть.

Над палубой снова повисла тяжелая, звенящая пауза. Было слышно только, как волны бьются о борт «HoneyFitz». Жаклин что-то весело объясняла детям, а ветер подхватывал обрывки их радостного щебета.

Генерал Бланшар глубоко вздохнул, огляделся по сторонам, проверяя, действительно ли они одни, и посмотрел Кеннеди прямо в глаза. В его взгляде читалась решимость человека, который делает шаг в пропасть.

— Господин президент, — твердо сказал генерал. — Я бы хотел кое-что рассказать вам. Но дайте мне обещание, что никто и никогда не узнает о том, что я вам это рассказал.

Кеннеди замер, уловив перемену в тоне Бланшара. Он медленно опустил бутылку на столик.

— Хорошо, Билл.

— Я давал клятву не разглашать эту информацию под страхом трибунала. Но я убежден: вы, как президент, должны об этом знать.

Джон Кеннеди подался вперед, его лицо превратилось в застывшую маску. Весь шум океана, крики чаек и смех детей словно отступили куда-то далеко, оставив лишь напряженную тишину между двумя мужчинами.

— Я слушаю тебя, Уильям. Говори.

Глава 2. Послание

Тишина на корме сгустилась. Ветер, еще минуту назад лениво трепавший тент, словно затаил дыхание вместе с чайками. Солнце сместилось к западу, и его свет из золотого стал тяжелым, медовым, заставляя тени на палубе неестественно вытянуться. Океан больше не казался безмятежным убежищем — теперь он выглядел бездонной, равнодушной пропастью, омывающей тонкую скорлупу яхты.

Бланшар не отводил взгляда от президента. В его глазах, только что излучавших уверенность, застыла мрачная, свинцовая решимость человека, который перешел Рубикон. Он медленно, почти механически вытер тыльной стороной ладони выступившую на лбу испарину.

— Господин президент, — генерал заговорил, и каждое его слово падало, как камень в глубокий колодец. — Я точно знаю: если ставки продолжат повышаться, никто не моргнет. Абсолютно никто. Контроль над ситуацией — это иллюзия. Все это неизбежно приведет к ядерной войне.

Кеннеди слушал, чуть склонив голову. Он не перебивал, лишь пальцы его правой руки, лежащей на подлокотнике, медленно сжались в кулак.

— И все они погибнут от ядерных ударов? — тихо спросил он.

— Нет, — Бланшар покачал головой резко, почти яростно. — От ударов погибнут лишь миллионы. Это будет самым милосердным исходом. Самое страшное начнется после.

Он замолчал, прислушиваясь к далекому смеху детей. Его голос, когда он продолжил, стал глухим, как исповедь.

— Сценарий, который просчитал не наш Генштаб, а тот, о ком я расскажу дальше, рисует ад. Из-за спровоцированной экологической катастрофы большая часть выжившего человечества будет мучительно умирать. Их судьба окажется настолько чудовищной, что... — генерал запнулся, подбирая слова, — живые будут завидовать мертвым.

Кеннеди резко втянул воздух. Эта фраза, произнесенная на фоне сияющей водной глади, резанула по сердцу сильнее, чем любой доклад в SituationRoom. Он потянулся было к забытой бутылке пива, но убрал руку.

— Живые будут завидовать мертвым, — медленно, словно пробуя на вкус чужую боль, повторил он. — Значит, это конец? Человечество просто погибнет?

— Нет. Технически — нет, — в голосе Бланшара прорезалась странная смесь горечи и надежды. — Останутся единицы. Они не будут похожи на нас. Они потеряют всё, что мы имеем сейчас. Но именно они станут семенем, основой новой цивилизации.

Кеннеди снял очки и устало потер переносицу. Сейчас, без солнцезащитного стекла, он выглядел гораздо старше своих лет.

— И что же, по-твоему, спровоцирует этот кошмар? — спросил он. — Неужели банальная жадность или чья-то тактическая ошибка?

— Догматизм, — отрубил Бланшар.

— Догматизм? — президент нахмурился.

— Да. Упрямая, слепая вера в собственную исключительную правоту. Он неизбежно ведет к войне, потому что делит мир на «своих» и «чужих», исключает любые компромиссы и

превращает геополитическую борьбу в священное противостояние с «абсолютным злом». Все уверены, что Бог и правда, на их стороне.

— Получается, никто не дрогнет, — подвел итог Кеннеди, и в его голосе послышался холодок понимания. — Каждый будет стоять до конца. Потому что уверен: правда на его стороне.

— Именно так.

Повисла тяжелая пауза. Где-то на носу раздался звук падения мячика для пинг-понга, звонкий стук пластика о тиковую палубу и взрыв детского хохота. Океан продолжал качать яхту, будто баюкая на своей исполинской ладони ничего не подозревающих пассажиров.

Кеннеди подался вперед, его взгляд стал цепким, требовательным.

— Но откуда такая уверенность, Билл? — спросил он, выделяя каждое слово. — Ты сказал: «я точно знаю». Это не аналитика. Это не данные разведки. Что за тайна, которую ты скрываешь даже от своих?

— Господин президент, — Бланшар глубоко вздохнул, словно перед прыжком в ледяную воду. — Сейчас я скажу то, что покажется вам чистым безумием. Но я видел это собственными глазами.

Кеннеди молча кивнул, давая разрешение.

— Всё, что я вам сейчас описал — это чистая, документальная правда. Правда, которую мне поведал... скажем так, гость из будущего.

Кеннеди дернулся, как от пощечины. На его лице мелькнуло выражение крайнего изумления, граничащего с разочарованием.

— Гость из будущего? — медленно, почти по слогам переспросил он.

— Я понимаю, что это звучит как бред сумасшедшего или сюжет дешевого романа. Но это истинная правда, господин президент.

Кеннеди ничего не ответил. Он лишь пристально смотрел на седого генерала, ветерана Второй мировой войны, человека с безупречным послужным списком. Во взгляде президента читался немой приказ: «Продолжай, и если это шутка, она зашла слишком далеко».

— Все в определенных кругах знают, что произошло в Розуэлле, — заговорил Бланшар тише, словно стены яхты могли иметь уши. — И знают о моем официальном заявлении в прессе, что мы обнаружили летающий диск. Это была правда.

— Так, — Кеннеди подобрался, его глаза сузились.

— Вот в том самом диске и находился наш гость. Существо, которое всё это мне и рассказало.

— Но как... как он может быть из будущего? — перебил Кеннеди. — Каким образом существо из будущего разбилось в Нью-Мексико в 1947 году?

— Потому что он — не пришелец. Он — наш эволюционировавший потомок. Потомок тех самых выживших, — генерал кивнул в сторону горизонта, словно указывая на далекое будущее. — Он сказал, что путешествие во времени — это путешествие по космосу. Смещение пространственной дивергенции.

Президент медленно встал с кресла. Подошел к лееру, оперся на нагретое солнцем дерево и посмотрел вниз, на пенящуюся у борта воду. Ему нужно было движение, чтобы переварить услышанное. Спустя долгую минуту он повернулся.

— Ты отдаешь себе отчет, что это звучит как сюжет из фантастического фильма? — спросил он, но в его голосе больше не было скепсиса. Была растерянность.

— Я это прекрасно понимаю, — кивнул Бланшар. — Но если бы я не трогал его руки, если бы я не видел его глаза... Я бы никогда не поверил. И я бы никогда не стал вам это рассказывать, если бы пророчество гостя не начало сбываться.

— Хорошо, допустим, — Кеннеди вернулся к креслу, но садиться не стал, нависая над генералом. — Допустим, этот... путник... реален. Тогда какой ему интерес нас предупреждать? Если войны не будет, то и их, этих людей будущего, не будет. Разве это не парадокс?

— Господин президент, — Бланшар поднял на него усталые, красные от напряжения глаза, — к сожалению, пока жив догматизм, война неизбежна. Но у нас есть шанс отсрочить ее и попытаться всё исправить до того, как механизм будет запущен.

Генерал перевел дух.

— А насчет его интереса... Я не знаю точно, но он дал нам понять одну вещь. В будущем наши потомки переросли насилие. Они сделали выводы из наших кровавых ошибок и теперь живут по принципам милосердия и справедливости. Это не просто коммунизм или капитализм... это нечто иное. Он спустился к нам с небес не ради технологий. Он спустился из милосердия. Он знал, что погибнет. Но он знал и о нашем с вами разговоре. Поэтому он пожертвовал собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.